Русские идеологии в XIX веке:
консерватизм, либерализм, революционный радикализм

Егор Холмогоров

В данной лекции будет поведано об основных идеологиях и о том месте, которое они занимали и в России, и в мире в течении XIX века. Причём, на самом деле, они продолжают сказываться в нашей жизни, в нашем мышлении сегодня, причём сегодня гораздо больше, чем, скажем, во времена моей юности. Творчество консерваторов имеет для наших современников больший интерес и большую актуальность, чем они имели для их современников.

Почему так происходит, почему вообще так важна эта тема? Проблема в том, что, хотя закончилась коммунистическая власть, но в наших школьных учебниках до недавнего времени доминировала информация о разного рода революционерах – как представителей «победившей» идеологии. Консерваторам было посвящено три абзаца, либералам – два, декабристам – два параграфа, столько же – народовольцам. Ишутинцы переходили в чайковцев, чайковцы – в землевольцев, землевольцы – в народовольцев. Исходя из распределения материала и подачи его в учебнике, школьник (прежде всего, отличник) был обречён сделать вывод, что единственный способ чего-то добиться в истории – поднять мятеж или бросить бомбу в царя. То есть получалась школа юного террориста. Поэтому неудивительно, что вполне закономерным плодом такого подхода стало появление персонажей типа Дарьи Треповой.

Основой для подобного подхода стала статья Ленина, посвящённая юбилею Герцена, где проводилась своеобразная революционная генеалогия: «Чествуя Герцена, мы видим ясно три поколения, три класса, действовавшие в русской революции. Сначала – дворяне и помещики, декабристы и Герцен. Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию. Её подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями «Народной воли»». И следующим этапом уже, закономерно, объявлялись большевики, как продолжатели дела предыдущих революционных деятелей – и на этой основе строилась концепция истории, где от Радищева, декабристов и Герцена движение шло через Чернышевского и народовольцев к Ленину и большевикам, а все те, кто в схему не укладывался, оттеснялись в сторону и записывались во второй сорт, в маргиналы. Хотя сами эсеры прямо производили себя от народовольцев и от декабристов (Борис Савинков в своём романе «То, чего не было», так и писал – «внуки Пестеля, дети Желябова») – но свою борьбу они проиграли и были записаны победителями во «враги» и «предатели». Схема легла в основу изучавшейся модели истории XIX – начала XX веков, в советское время и, к сожалению, потом перекочевала почти в таком же виде в учебники уже постсоветского времени. Лишь в нынешних учебниках Мединского предпринята попытка корректировки этой модели.

Подобный подход не соответствует нашему сегодняшнему существованию, поскольку мы все последние десятилетия так или иначе учимся жить в относительно нормальном, не чрезмерно идеологизированном, не сосредоточенном на партийно-политическо-революционной борьбе государстве. Нам гораздо важнее опыт нормальной государственности, нежели опыт революции. Мало того – контрреволюция нам важнее революции. А вот об опыте нормальной государственности наш школьник не мог знать практически ничего. Вместо этого он должен был отличать «Зелёную книгу» от

«Конституции» Никиты Муравьёва и «Русской Правды» Пестеля, различать ишутинцев, чайковцев, землевольцев, народовольцев и прочих. Но при этом он не имел возможности рассказать о том, как функционировали земские учреждения, как функционировало Третье Отделение в качестве спецслужбы и одновременно департамента внутренней политики, рассказать о том, что такое Славянские комитеты и как они функционировали, хотя их мощь была такой, что в определённый момент они втащили Россию в войну с Турцией 1877 – 1878 годов за освобождение славян, фактически против воли императорского правительства и, в значительной степени, против желания самого Императора, который первоначально к войне не стремился. Не изучался, например, такой важный документ, как записка Константина Аксакова «О внутреннем состоянии России». Сторона функционирования русского общества, русского государства, не связанная с революцией, от школьника практически ускользала и в учебнике, и в школьной программе.

Эта тенденция нуждается в исправлении и уже такое исправление идёт. Прежде всего важна детерроризация нашей истории в XIX веке в сторону большей нормализации. Важнейшей частью этого процесса является понимание всего того спектра идеологий, которые присутствовали в это время в России, на что они влияли тогда и влияют в наши дни. Все эти идеологии важны для понимания, надо понимать, каким образом они возникли в той форме, в какой они существовали в России, и в какой внутренней логике они были распределены.

В Европе и в России колыбелью идеологий, разумеется, считается XVIII век, причём, в значительной степени, во второй половине. Полноформатное отстраивание идеологии в России в тот момент, когда они начали оказывать абсолютно определяющее влияние на жизнь людей, на политический процесс, когда идеологии начали первенствовать и над религиозной верой, и над какими-то личными свойствами и амбициями людей, когда люди начали приносить себя и других в жертву идеологиям – это всё наступило в России именно в XIX веке (во Франции, конечно, чуть раньше, но ненамного).

Что такое идеология? Если говорить коротко и в двух словах, то это определённый комплекс философских воззрений и взглядов на общество, возведённый их сторонниками в ранг религии.

Это то, чего прежде не происходило в истории. Прежде люди были способны идти на мученичество и на массовые расправы с еретиками ради религии, определённого взгляда на мир, который ставит некое высшее начало над человеком, ради которого всё и происходит. Религия – это то, что имело для всех прямое отношение к жизни и посмертной судьбе человека. И вдруг появляется некоторый подход, который основан на том, что на место Бога и богослужения ставятся определённый набор философских идей и определённых представлений об обществе, к которому человек начинает относиться с той же интенсивностью, с той же преданностью, с той же готовностью идти на какие-то жертвы, на какие-то радикальные решения и лишения как это раньше происходило в отношении к религии.

Идеология – это философия, прежде всего – социальная философия, к которой относятся с религиозной серьёзностью. Прежде философы готовы были бороться за интеллектуальную свободу, за право высказывания своих идей. Гегель, последний из великих классических философов, вряд ли кого-то мог убить за абсолютный дух. Вряд ли кого-то могли убить из-за разногласий по поводу категорического императива Канта. Невозможно представить себе войны между сторонниками Платона и Аристотеля, даже Сократа казнили не за философию, а по обвинению в религиозном нечестии (неуважении к богам). (Впрочем,

можно отметить, что своего рода разделение на консерваторов и прогрессистов было уже в Древней Греции). Прошло сравнительно немного времени и ближайшие последователи и вместе с тем исказители Гегеля, марксисты, были готовы очень многих убить за несогласие и даже за оттенки несогласия, за какие-то не вполне ортодоксальные марксистские убеждения.

Происходит всё это в результате секуляризации сознания европейцев, которая произошла в XVIII веке под влиянием философов эпохи Просвещения. Под их влиянием люди перестали быть уверенными в том, что религия определяет их жизнь, зато были уверены, что всё определяет рациональное переустройство общества. Там, где главной ценностью был Бог и Царство Небесное, то, к чему все стремились, теперь стала социальная утопия, лишённая каких-либо религиозных мотивов и оснований. Вместо спасения души в их сознании стало всё большую роль играть представление о правильной организации общества. Эта новая религия, новая серьёзность в отношении к философии, привела практически немедленно к очень драматическим результатам в эпоху Французской революции.

При этом, разумеется, идеологии бывают разные. Бывают радикальные идеологии, в которых этот религиозный потенциал максимален. Есть либеральные идеологии, исходящие из большей презумпции человеческой свободы, хотя, как мы знаем, в течении XX века и начала XXI-го либерализм вырос тоже во вполне себе тоталитарную идеологию, способную захватывать целые страны, вводить санкции, кого-нибудь сажать в тюрьму, ограничивать свободу слова.

У консерватизма всё было немножко сложнее, поскольку он старается сохранить религиозное отношение, прежде всего, к религии. Среднестатистически взятый европейский консерватор верит прежде всего, в Бога, а не в консервативные идеи, которые для него вторичны. Но, тем не менее, хотя бы для того, чтобы защищать своё консервативное представление от других идеологий. Ему приходится тоже относиться к этому предельно эмоционально внутренне серьёзно. На Западе сейчас тебе приходится или отрекаться от своих консервативных идей, либо идти на некий общественный «эшафот», типа гражданской казни, травли и даже убийства, как случилось с Чарли Кирком.

В этом смысле ни одна из идеологий своих элементов, жертвенности и жертвования кем-то другим во имя идей, не избегает. Всё то, что касается истории Средних веков, где действовали католики и альбигойцы, с насилием, преследованиями и борьбой за веру – всё это происходит в XIX веке с идеологиями. В XX веке определённые идеологии или злоупотребление ими доводят до совсем уже массовой резни.

Посмотрим, из каких составляющих складывалась идеологическая ситуация в России.

Первая – следование петровскому курсу, идейному, культурному и политическому. В известном смысле, мы до сих пор следуем курсом Петра Великого со всеми нюансами и прочим. Это курс на вестернизацию – когда Пётр принял в качестве базового предположения: традиционная русская цивилизация в её каких-то самобытных элементах мешает России развиваться и должна быть как-то подвинута, либо как-то изменена, либо как-то отредактирована. Шёл разрыв с традиционной русской цивилизацией, сложившейся за предшествующие века. В общем и целом, эта установка на подражание Западу абсолютно превалировала в течение всего XVIII века. От каких-то радикальных её форм отказ начинается при Елизавете Петровне, когда происходит характерная контрреформация в архитектуре, - вместо попыток строить по голландскому образцу возвращаются к строительству храмов на греческий манер – пятикупольные, хотя и декорированные в стиле

барокко, но всё равно это были узнаваемые русско-византийские храмы. Это уже не попытка полного разрыва с традицией, как это было в петровский период.

Постепенно, такая реакция накапливается в течение всего XVIII века. Если почитать записки княгини Дашковой, то она приводит свой очень характерный спор с одним французом, который говорил, что всё прекрасное и лучшее, что у русских есть, принёс им Пётр, а вот она ему объясняла, что ничего подобного, Россия и до того была великой державой и то, что Европа её не замечала, это проблема самой Европы, а вовсе не России.

Отличие реформ Екатерины от петровских состояло в том, что большие результаты достигнуты гораздо меньшим напряжением народных сил. Постепенно, некоторый противоположный взгляд уже к концу правления Екатерины II начал вырабатываться. Но, в целом, базовое философское приятие основных идей петровских реформ, что истинная цивилизация, «людскость» (это слово в качестве перевода использовали Ломоносов и князь Щербатов), задаётся именно европейским образованием и политесом, а из этого, в свою, очередь, вырастала мысль, что русский без европейского образования и политеса является не вполне человеком, то есть, можно даже сказать, является нелюдем. Исходя из этого, с ним можно довольно специфически обращаться в рамках крепостного права – продавать, пороть, казнить по собственному произволу. Эта подспудная установка сохранялась и способствовала чудовищному культурному цивилизационному разрыву между крестьянской массой населения страны и образованным дворянским слоем, который ещё и постепенно переходил на французский язык.

Стоит отметить, что очень часто это западничество принимало весьма обезьяннические анекдотические формы. Историк Василий Ключевский в своей работе «Западные влияния в России после Петра» писал следующее:

> «С первой минуты своего действия западное влияние стало разрушать в нас естественное чувство привязанности к отечеству. Чем больше проникалось наше общество западным влиянием, тем чаще появлялись среди него люди, которые теряли чутье родного, относились к нему или с презрительным равнодушием, или даже с брезгливым отвращением. Напротив, в ком сильнее билось сердце за отечество, тот тем недоверчивее, раздражительнее или высокомернее относился к Западной Европе. Западное влияние из культурного средства превратилось у нас в патологический симптом, в источник болезненных возбуждений. Что такое был русский западник? Обыкновенно это очень возбужденный и растерявшийся человек, который знает, где он родился, и недоумевает, какой народ ему родной, где его отечество. Ухитрившись поссорить между собою столь сродные понятия, как родина и национальность, он незаметно для себя вошел в круг невозможных представлений, разделил мир на две половины: на человечество и на Россию. Отечество – это неприятное привидение, от которого стараются отчураться средствами цивилизации».

В своих лекциях по русской истории он же рассказывал довольно любопытный анекдот: какой-то барин очень хотел, чтобы его дочери учили французский язык, поэтому нанял для них учителя – прошло несколько лет, прежде чем выяснилось, что это был не француз, а чухонец (эстонец или финн) и учил он своих подопечных чухонскому и когда несчастные барышни пытались применить свои познания в французском в светской беседе на балу в столице, то их ждал очень неприятный и позорный конфуз. И здесь, как всегда ехидный, Василий Осипович язвительно замечает, что ровно то же самое у нас произошло и с французской философией.

Это действительно так, но проблема, на самом деле, была глубже – в некоторой степени, вот этот взгляд, который мы можем обнаружить у Екатерины II на Радищева, является немного защитительным, мол, проблема в том, что мы слишком рабски, слишком обезьяннически подходим к высокой европейской культуре. Появляется такой термин «полупросвещение», который активно использует Пушкин – что есть люди, которые нахватались самых верхов этого просвещения и начали крушить всё направо и налево. Таким персонажем Пушкин считал Радищева.

Однако если посмотреть на саму французскую философию «Просвещения» в самом необезьянническом и самом неискажённом виде, то выясняется, что она с абсолютно железной логикой приводит к гильотине и прочим учреждениям и событиям последнего десятилетия XVIII века, к террору, который начался сразу же с первых дней революции. Уже в первые годы начались бессудные убийства, разгромы дворянских замков, монастырей. Любой самый скрупулёзный анализ не позволит нам отрицать, что идеи и политическая практика якобинцев абсолютно логично вытекали из философии Жан-Жака Руссо.

Если внимательно и последовательно прочесть его «Общественный договор», то невозможно найти ни одного утверждения, которому впоследствии противоречила бы практика Робеспьера, Сен-Жюста и Марата, сформировавших настоящую тоталитарную конструкцию. Был абсолютно логичный вывод, абсолютно последовательный и доведённый до конца руссоизм – что если формируется коллективный суверен, то ни о какой личной свободе человека, ни о какой свободе его мнения говорить не приходится. Коллективный суверен имеет полное право принуждать своих членов, имеет власть над всеми частями ради общего блага. Даже нельзя сказать, что лидеры Конвента противоречили демократии – все эти безобразия в Париже творились парижской толпой, то есть это было действие прямой демократии. Руссо не очень любил представительное правление, так что они хорошо обходились и без него.

Французы столкнулись с хаосом и жестокостью в своей стране, массовым истреблением культурных ценностей. Произошедшая в это время культурная катастрофа во Франции была беспрецедентной, превосходя даже ту, которая произошла у нас в XX веке, поскольку к этому времени сформировалось такое понятие как музейная ценность. В то время же его ещё не было. Хорошо известное по своей огромной роли в средневековой Европе аббатство Клюни, центр культуры и образования, было снесено практически подчистую – от огромного комплекса остались две башни. Практически все средневековые надгробия и фигуры в Сен-Дени – новодел, потому что в годы революции всё это было разрушено подчистую. Нотр-Дам-де-Пари восстанавливался в середине XIX века тоже практически из руин. В парижском музее сохранились головы библейских царей с фасада Нотр-Дам, потому что санкюлоты поотрубали, решив, что это французские короли. Поэтому, когда восстанавливали собор, головы решили оставить от греха подальше в музее, а царям сделали новые, чтобы в случае чего оригиналы сохранились. В часовне Сен-Шапель половина, если не больше, витражей – восстановлены заново. (Для сравнения – в России после революции 1917 года, хотя и погибло немало памятников архитектуры, но уцелели Кремль с его стенами и соборами, уцелела Троице-Сергиева лавра). Все последующие тоталитарные конструкции несли в себе скрытый руссоистский характер. В руссоистской философии содержался большой пафос разрушения.

Тот шок, который пережили образованные европейцы, ещё недавно сами бывшие просвещенцами, масонами, безбожниками, был огромным. Здесь стоит привести цитату Николая Михайловича Карамзина о революции во Франции, из написанного им в 1802 году:

> «Революция объяснила идеи:
> - мы увидели, что гражданский порядок священ даже в самых местных или случайных недостатках своих,
> - что власть его есть для народов не тиранство, а защита от тиранства,
> - что, разбивая сию благодетельную эгиду, народ делается жертвою ужасных бедствий, которые несравненно злее всех обыкновенных злоупотреблений власти,
> - что самое турецкое правление лучше анархии, которая всегда бывает следствием государственных потрясений,
> - что все смелые теории ума, который из кабинета хочет предписывать новые законы нравственному и политическому миру должны остаться в книгах вместе с другими, более или менее любопытными произведениями остроумия,
> - что учреждения древности имеют магическую силу, которая не может быть заменена никакою силою ума,
> - что одно время и благая воля законных правительств должны исправить несовершенства гражданских обществ,
> - и что с сею доверенностию к действию времени и к мудрости властей должны мы, частные люди, жить спокойно, повиноваться охотно и делать все возможное добро вокруг себя».

Оказалось, что «старый порядок» был не препятствием на пути к светлому завтра, а сдерживающим фактором на пути хаоса, ниточкой, по которой можно было бы идти куда-то дальше.

Таким образом, можно сказать, что перед нами второй культурный стресс для России – после петровских реформ: то, что самая аутентичная Европа развивается вот в таком направлении, к гильотине, расправам с аристократами и с церковью, к казни короля. И это было совершенно не то, чего хотела большая часть образованной Европы, не то, чего хотела и русская монархия. Даже Радищев в 1790 году в «Путешествии из Петербурга в Москву» ругает французское Национальное собрание за уже начавшиеся преследования свободы слова в «Кратком повествовании о происхождении цензуры»:

> «Ныне, когда во Франции все твердят о вольности, когда необузданность и безначалие дошли до края возможного, ценсура во Франции не уничтожена. И хотя все там печатается ныне невозбранно, но тайным образом. Мы недавно читали, – да восплачут французы о участи своей и с ними человечество! – мы читали недавно, что народное собрание, толико же поступая самодержавно, как доселе их государь, насильственно взяли печатную книгу и сочинителя оной отдали под суд за то, что дерзнул писать против народного собрания. Лафает был исполнителем сего приговора. О Франция! Ты ещё хождаешь близ Бастильских пропастей».

Даже для радикально настроенных людей, которые могли царям грозиться плахою, то, что происходило во Франции, было уже слишком. В 1792 году это стало уже совсем слишком. К 1793 году уже все в ужасе от этого оттолкнулись. Достаточно распространённый, в целом, взгляд в Европе – это представление о французской свободе как о кровавой резне. И, соответственно, из этого начинают вырабатываться идеологические установки консерватизма.

Эти консерватизмы, разумеется, были неоднородными, если точно, то в Европе их выработалось два, даже довольно противоположных друг другу.

Один – английского типа, восходящий к великому британскому мыслителю Эдмунду Бёрку, который был ирландцем и тайным католиком. Он впервые объяснил Англии, что она является страной традиций и консерватизма. За полвека до Бёрка никто этого ещё не знал, мало того – даже сам он этого не знал, всего лишь за двадцать лет до этого он поддерживал мятеж американских колоний и выступал с либеральных позиций, будучи одним из лидеров британских вигов. Если почитать авторов первой половины XVIII века (Болингброк, Честерфилд, Джонсон), то никаких следов этого патетического английского консерватизма, который кажется нам сегодня абсолютно естественным, там не обнаруживается. Мало того – можно найти страшную влюблённость во Францию и уверенность в том, что французы всё делают лучше, а у англичан всё полный отстой (при этом забавно, что на другой стороне Ла-Манша французские просветительские мыслители как раз восхищались Англией со её свободами, так отличавшейся от их родного французского королевского «деспотизма»).

Посмотрев на то, что происходит в Париже, Бёрк быстро сформулировал последовательно консервативную философию на очень простом принципе – на самом деле прогресс, о котором любили говорить в течении всего XVIII века, а потом в XIX-м, это не разрушение. Базовая проблема с радикальным пониманием прогресса состоит в том, что для того, чтобы что-то великое построить, нужно что-то разрушить – для того, чтобы построить дворец культуры, нужно разрушить церковь (причём, церковь-то разрушим, а вот дворец построится как-то сам). Основной принцип консервативной философии Бёрка состоит в том, что любое развитие, любой прогресс в истории – это накопление положительных результатов, сохранение предыдущего. Это как в пошаговой компьютерной игре, когда мы на каждом этапе сохраняемся и если зашли куда-то не туда, то можно вернуться на предыдущий сохранённый. Если мы чего-то достигли, то это нужно не разрушать, а сохранять и строить поверх него.

Примерно так писал и Бёрк в своей работе «Размышления о революции во Франции» (этот труд, между прочим, был написан в 1790 году – никакого якобинского террора ещё не было и Людовик XVI по-прежнему был королём Франции, на свободе, только переехав из Версаля в Тюильри, а сама Франция не вела кровопролитных революционных войн против всей Европы) – он обращался к французам, что если политика последних Людовиков их не устраивает, то надо откатиться назад, найти себе предыдущий идеал и двигаться уже оттуда, обосновать свои нынешние политические перемены через обращение к каким-то своим древним свободам и обвинить нынешний режим в том, что он этих древних свобод их лишил. Англичане пошли как раз именно по этому пути – они начали торжественно мифологизировать разные предыдущие моменты своей истории, они выдумали себе фантастическую Великую хартию вольностей (каждый, кто заглядывал в этот документ, отлично знает, что она в крайне малой степени посвящена каким бы то ни было общегражданским свободам, а только преимущественно частным экономическим привилегиям нескольких слоёв – купцов, духовенства, баронов, рыцарей, но прежде всего баронов; главное её содержание – это установление помимо королевской власти баронской олигархии, но если постараться, то из этого можно выдумать определённый источник своей свободы и его поддерживать).

Логика Бёрка состоит в том, чтобы всегда и везде сохранять максимум положительного результата и тогда историческое движение для нас будет расширением наших возможностей, расширением нашей свободы в положительном смысле, наших способностей что-то делать. Есть положительное и отрицательное понимание свободы: отрицательное – это когда не мешают ничего делать, но при этом мы можем весьма в ограниченной степени этим воспользоваться (если тебе нечего сказать, то свобода слова тебе не особо поможет), положительное – концентрация разных результатов, разных

исторических моментов, разных продуктов с тем, чтобы наши возможности завтра были шире, чем сегодня, а сегодня – шире, чем вчера, и разрушать для этого – просто глупо, поскольку это растрата энергии. Нужно продолжать развитие с опорой на традицию, которая позитивна и полезна, включая такие неудобные для рационалистического просвещенческого сознания вещи как, к примеру, предрассудки, которые делают добродетель привычкой.

Человек привыкает определённым образом реагировать на определённые ситуации и всё это становится глубочайшим внутренним предубеждением, что вот так надо поступать, записывается, так сказать, на подкорку. Эти предрассудки опираются на коллективный народный исторический опыт, накопленный за многие века. Если революционеры с предрассудками борются, то консерваторы, напротив, их лелеют и взращивают, поскольку это та мудрость, которая доступна каждому, тогда как раз рациональный анализ доступен немногим и занимает много времени. Они могут быть неидеальными, но если их сломать, ещё неизвестно, какая дичь придёт им на смену.

«Доброму дикарю», который во время революции показал себя весьма недобрым, был противопоставлен исторический человек с развитой памятью, развитыми предрассудками и способного к дальнейшему историческому движению к прогрессу. Философия Бёрка будет активно влиять на последующих консерваторов, в том числе, русских – на Карамзина, на Каткова и на Столыпина, которые рассуждали именно по-бёркиански. Бёркианство было очень влиятельным в самой Британии, в Германии, где классическим бёркианцем был Адам Мюллер. Это прогрессивный консерватизм, призывающий двигаться вперёд, не разрушая ничего, что было накоплено поколениями в течении веков.

Второе понимание консерватизма, как не странно, восходит к тому же самому радикалу-предшественнику Жан-Жаку Руссо, но только в другой интерпретации. Это – натуралистическое понимание консерватизма. Оно состоит в том, что есть некая человеческая природа, изначально данная. Её и надо консервировать.

Руссо апеллировал к «добродетельному дикарю». А всё, что было создано за столетия – монархия, церковь, общество – всё это не более чем уродливые наросты, от которых скорее нужно избавиться для освобождения этого естественного доброго человека. В руссоистской логике прогресс мыслился как сокрушение всех этих созданных традиций, историй, институтов, «оков», сдерживающих этого естественного человека, которые делают ему только хуже. Чем больше этих «оков» разобьют, тем лучше он станет. Из этого тезиса как раз проистекала вся деструктивная практика французской революции.

Консерваторы типа Жозефа де Местра отрицали этого «добродетельного дикаря», но соглашались с тем, что в какой-то момент богосотворённый человек действительно хорош, а все вот эти исторические мельтешения его только ухудшают, поэтому нужно строить то общество, которое будет максимально приближено к этим природным, естественно данным основам человека.

Жозеф де Местр был ярким представителем и основоположником такого рода консерватизма. С 1803 по 1817 годы был сардинским посланником в России. Одним из важных его трудов является книга «Санкт-Петербургские вечера». Он был страстным яростным и ревностным католиком, большим, чем сам римский папа – когда римский понтифик благословил коронацию Бонапарта, де Местр в письме от всей души пожелал, чтобы тот поскорее скончался. В России он имел немалое влияние в высшем свете и очень дружил с самим Императором, но, несмотря на это, был выслан за иезуитскую пропаганду.

Впрочем, полезного он тоже немало для нас сделал – в частности, постоянно жужжал на уши русской элите, чтобы они не ориентировались на Францию с её революционными идеями и были самими собой, были самобытны. И это нашло в русском обществе благодатную почву.

Учение Руссо, фактически, было вывернуто им наизнанку – в качестве первоначального человека им рассматривается не «добродетельный дикарь», свободный абсолютно от всего, а чадо Божие, Адам до грехопадения, человек, которому присуще естественное чувство Бога, естественное чувство иерархии, естественное признание над собою монаршей власти, естественное понимание необходимости аристократии, необходимости добродетели. А вот этот вот дикарь-революционер как раз продукт упадка этого естественного человека.

Если Бёрк считал, что с течением времени, с ходом истории, мы накапливаем всё больший и больший багаж, который нам нужно сохранить, то де Местр строил противоположную логику – нам изначально дано определённое богатство, определённая правильная истинная социальная конструкция, а в ходе истории мы её можем преимущественно ухудшить и испортить, либо же наоборот, если очень повезёт, то к ней вернуться. Если по Бёрку история – это прогресс, то по де Местру – упадок. Это натуралистический консерватизм, предполагающий, что всё самое лучшее и консервативное, что заложено в человеке, дано ему природой и Богом, а человек своей деятельностью может только всё ухудшить. Так появилась континентальная школа консерватизма.

В принципе, до недавнего времени, могло казаться, что это очень пассивная форма консерватизма: мы воображаем себе некоего идеального природного данного человека, зачастую начиная его ассоциировать с человеком наименее цивилизованным и наиболее образованным. И в этом духе Россия попала в такую своеобразную ловушку в эпоху Константина Петровича Победоносцева, опиравшегося на де Местра и Ле Пле, и его влияния на российское образование, потому что он свято верил в интуитивного человека, которому якобы в большей степени на этом самом интуитивном и досознательном уровне присуще уважение к Православию и Самодержавию и что в этом его интуитивном Православии и монархизме якобы и состоит Народность. Соответственно, чем меньше его трясти рефлексией, чем меньше перегружать его интеллектуальной нагрузкой, чем меньше его загружать и рационализировать, тем более он будет православен и самодержавен.

На этих принципах строилась победоносцевская образовательная программа, которая была весьма обширна. В основе этой программы лежали грамотность и Закон Божий. Если смотреть статистику, то при Александре III появляется множество церковно-приходских школ. Поэтому, кстати, к 1917 году, практически всё мужское население страны было более-менее грамотным. Внедряется система Рачинского, ближайшего из соратников Победоносцева. На известной всем картине Богданова-Бельского «Устный счёт» как раз именно он изображён – вообще у этого художника есть целая серия замечательных картин на эту тему («Воскресное чтение в сельской школе», «У дверей школы»). Идея следующая – дадим этому природному, правильному человеку какое-то количество технического вооружения, грамотность, знание арифметики (причём, судя по картине, довольно нехилые).

Это тоже такая интересная философия – кем он может стать? Приказчиком, плотником, каменщиком, торговцем – там, где подобные практические вычисления ему очень будут нужны. А вот политический анализ и даже какие-то глубины истории этому мальчику не нужны с точки зрения Победоносцева совершенно, поскольку от этого у него только разовьётся полуобразованность, появятся чрезмерные амбиции и непонимание ситуации.

Победоносцев говорил:

> «Есть в человечестве натуральная, земляная сила инерции, имеющая великое значение. Ею, как судно балластом, держится человечество в судьбах своей истории, и сила эта столь необходима, что без нее поступательное движение вперед становится невозможно… В центре жизни стоит народный предрассудок, когда простой человек держится упорно и безотчетно мнений, непосредственно принятых и удовлетворяющих инстинктам и потребностям природы… Наше духовенство мало и редко учит, оно служит в церкви и исполняет требы. В иных, глухих местностях, что народ не понимает решительно ничего ни в словах службы церковной… И, однако, во всех этих невоспитанных умах воздвигнут, неизвестно кем, алтарь неведомому Богу…».

И вот эта модель себя совершенно не оправдала, поскольку эти замечательные ребята и подобные в 1905 году пошли жечь помещичьи имения (как выразился один кадет, устраивали «иллюминации»). Потом в 1917 – 1918 годах это всё повторилось. Если вы побываете в Пушкиногорье, то там практически на каждой усадьбе висит табличка, сообщающая, что дом сгорел в 1918 году, восстановлен после войны. А потом ещё выяснилось, что этих ребят, переставших быть ребятами, начали коллективизировать и те схватились за голову: кого ж мы себе на плечи посадили? Несколько более высокий уровень образования на тот момент дал бы им возможность уже в 1905 году и тем более в 1917-м несколько более глубоко проанализировать программу тех людей, которые к ним приходили и обещали землю, волю и прочее. На то, чтобы прочесть подрывную прокламацию, у них грамотности хватало, но не хватало уже образования на то, чтобы критически проанализировать её содержание. У человека с образованием всё-таки возникает иногда вопрос: а что мне за это будет?

Но, с третьей стороны, можно ответить – а вот посмотрите на людей с определённым уровнем образования с 1989-го по 1991-й и 1993-й и как-то вот не шибко оно им помогло. Возможно, нужно было ещё выше уровень образования, со всеми новейшими достижениями политологии. А потом мы смотрим на современный Запад – и тоже опять что-то не помогает. Не возьмусь в этом смысле однозначно Победоносцева судить – возможно, что и более высокий уровень образования тоже ничем не помогает.

Но, всё же, считаю, что одним из факторов революционного развития событий в России в 1917 году была та победоносцевская модель ориентации на этого монархического «доброго дикаря», которого нельзя чрезмерно отягощать образованием. Схватились потом за это, когда в 1905 году полыхнули массовые крестьянские выступления по стране, иногда совершенно иррациональные – крестьянам невозможно было объяснить, что, если даже поделить всю помещичью землю, это принципиально никак не изменит общей земельной ситуации. Изменять её начали как раз при Столыпине, классическом представителе прогрессивного консерватизма, но, тут уже образовался дефицит времени, то есть главного, что нужно консерватору-прогрессисту.

Деместровский консерватизм тоже играл большую роль в Европе, он по-прежнему остаётся одной из базовых логических форм консерватизма до сего дня, причём даже сегодня приобретает большую значимость. Теперь уже выясняется, что этот базовый природный человек – это тоже фигура, которую надо защищать, поскольку в современной постмодернистской или леворадикальной философии вообще никакого остатка человеческой природы в принципе не предусмотрено. Все базовые понятия (семьи, пола и т.д.) поставлены под вопрос.

Семья – это естественная природная ячейка общества, как считают консерваторы? Или же это некий социальный конструкт с трансгендерами, 666 всевозможными гендерами, где можно произвольно задать всё, что угодно, как считают современные ультралевые. Чтобы подорвать всю логику консервативного порядка общества, начинать нужно с семьи, с естественного понятия о социальной иерархии, которая затем транслируется на общество и метафизику. И тут возникает вопрос о том, что за этого природного человека, который, как выясняется, менее природный, чем он исходно был, тоже нужно сражаться. Даже сегодня в политическом российском дискурсе присутствует «вера в естественную мудрость народа».

Под воздействием той же французской революции у нас начинают также задаваться вопросом и о том, правильный ли выбор был сделан в ходе петровских преобразований. Если европейский путь приводит к такому, то может быть стоит с него свернуть?

Консервативная идеология в России возникает в конце XVIII – начале XIX веков, буквально на глазах, одновременно с возникновением подобной в Европе. В «Письмах русского путешественника» Карамзин ещё пишет о том, как он радостный, с трёхцветной кокардой, въехал в Париж – по прошествии же десяти лет он выступает уже вполне себе как консерватор, а ещё десять лет спустя в «Записке о древней и новой России» он просто громит Сперанского, Петра I, вообще саму идеологию рациональных либеральных реформ и приходит к тому, что единственная истинная конституция для русских – это наша история, рассуждая при этом абсолютно по-бёркиански.

История создаёт для нас определённые факты, определённые возможности, определённые ограничения и мы должны им следовать. Любые же рационалистические вымышленные попытки что-то переустроить приведут только к худшему. Этот уже полноценный вызревший к 1811 году консерватизм, который к тому моменту поддерживается целым кружком под руководством царской сестры Великой княжны Екатерины Павловны, куда также входят адмирал Шишков, Ростопчин, Фёдор Глинка и многие другие. Он строил всё на принципах жёсткой антифранцузской, антиреволюционной идеологии, на принципах очень жёсткого патриотизма, опять же заточенного, прежде всего, против Франции и против Наполеона, вооружённого имперского представителя духа Французской революции.

Французская культура была, в значительной степени, таким агрессивно завоевательским имперским институтом, каковым она сделалась при Наполеоне. Бонапарт был носителем идей революции и идей Просвещения, он вырос из якобинских кругов и никогда не изменял базовым якобинским принципам, даже когда он приносил присягу в качестве Императора Французов в 1804 году, то её основным содержанием была верность достижениям и завоеваниям французской революции, в частности, сохранение статуса конфискованных у дворян и церкви имений, что те никогда к ним назад не вернутся. Соответственно, во всей остальной Европе наполеоновская империя мыслилась как просвещенческая энциклопедия, ощетинившаяся штыками, агрессивно космополитически-универсалистская, сегодня бы сказали - глобалистская. Наполеоновская империя была основательной, организованной, хорошо вооружённой фазой французской революции. Она несла идеи тех же энциклопедистов и просвещенцев как абсолютно универсалистский стандарт знания и понимания мира. Никаких других вариантов попросту не допускалось. Начало французской национальной идентичности было выражено в ней очень слабо.

В европейской же культуре базовой тенденцией является в тот момент вместо классицизма, в значительной степени исходившего из Франции, романтизм – ориентация на высокую

оценку индивидуального, особенного в личности, в нации, вера, что у каждого народа есть свой собственный дух, своё собственное лицо, своё собственное призвание. Нет одинакового набора истин и ценностей, того, что такое хорошо и что такое плохо, каждый народ смотрит на мир по-особенному.

Трудно сказать, что здесь было в больше степени причиной, а что следствием – этот романтический идеал подстёгивал сопротивление Наполеону или же наоборот, сопротивление Наполеону подхлёстывало этот романтический идеал.

Всё это закономерно приводит к событиям 1812 года, которые, в политическом смысле, были в чистом виде успехом группы Екатерины Павловны. В известном смысле можно сказать, что это они идеологически «спродюсировали» с российской стороны эту войну и та увенчалась блестящим успехом в том смысле, что был массовый патриотический подъём, а Наполеон потерпел поражение.

В кружке Екатерины Павловны группировались Карамзин, Ростопчин, Шишков и другие. Созданная Шишковым «Беседа любителей русского слова» – это один из первых культурных центров по созданию оригинальной самобытной русской литературы, не похожей на подражание французской. В значительной степени, эти патриотические русофильские кружки выступали идеологами и инициаторами возобновления борьбы с Бонапартом, борьбы с ним как с абсолютным злом, борьбы за освобождение России от просвещенческого порядка, чего Александр I первоначально не хотел. Его ближайший советник, ненавидимый этими кругами Сперанский, которого прямо объявляли «шпионом Бонапарта», тоже этого не хотел. Однако эти консервативные круги толкали Россию в битву. 1812 году – и это был их звёздный час.

Когда мы присматриваемся к событиям Бородинского сражения, там поразительно следующее: Кутузов не хотел его давать, поскольку не видел в этом никакого военного смысла, но, при этом, тот смысл, который в нём был заложен, был, прежде всего, культурно-идеологическим. Позже люди с гордостью говорили: «Я сражался при Бородине! Я был ранен при Бородине! Мой брат/свёкр был убит при Бородине». Это была эпическая событийная точка, которая осмыслялась в духе гомеровой «Илиадой». Если вы прочитаете не поздний, более народнический вариант описания Бородина у Лермонтова, где главное действующее лицо именно народ и простой солдат, а «Певца в стане русских воинов» Жуковского, то там очень хорошо видно эту зависимость от «Илиады» именно в плане воспевания героев. Это была такая точка кристаллизации национального сознания русской элиты.

Второй точкой кристаллизации стали царские манифесты, которые были написаны Шишковым, где война интерпретировалась как битва христианской России-матушки, стоящей на здравых принципах, и безбожной революционной Франции, во главе которой стоял Наполеон. Это был действительно звёздный час русского консервативно-патриотического направления.

Позже, правда, Николай Данилевский в духе национального эгоизма спросит – зачем воевали мы с Наполеоном, хотя нашим главным враг всегда была Британия? Не лучше ли было договориться с ним и поделить мир, живя припеваючи, а англичан совместно задавить. Но для консерваторов начала XIX века это было попросту совершенно немыслимо, они исходили из того, что никакое сосуществование с Наполеоном было попросту невозможно, поскольку это был принципиально другой идейный и духовный

космос. Всё, что можно сделать – это как можно большее количество европейских народов противопоставить ему на борьбу.

Известный критик-почвенник Николай Николаевич Страхов позже писал:

> «Французы явились как представители космополитической идеи способной, во имя общих начал, прибегать к насилию, к убийству народов; русские явились представителями идеи народной – с любовью, охраняющей дух и строй самобытной, органически сложившейся жизни. Вопрос о национальностях был поставлен на Бородинском поле, и русские решили его здесь в первый раз в пользу национальностей».

Война с Наполеоном мыслилась именно как самозащита нации, национального начала, против этой универсалистской рационалистической империи.

В ходе этой войны уже в зрелом виде формируется ещё один принцип, который будет на протяжении всего XIX века определять сознание представителей в практически всех русских идеологий – принцип национализма. Тогда это было универсальной основой политического языка. Либо ты космополит по этому французскому образцу революции и Наполеона, либо националист в духе тогдашних романтиков, прежде всего, немецких, которых активно поддерживали в России.

Немецкую националистическую пропаганду 1812-1813 гг. придумали в Санкт-Петербурге и массово забрасывали в эти многочисленные германские княжества, исходя из очень простой установки – народы немецких княжеств должны восстать против своих правителей, которые служат Наполеону. Все эти брошюры были проникнуты абсолютно антилегитимистской идеологией (что несколько странно для того, что исходит из Петербурга) – германская нация выше суверенитета немецких князей, ровно то, что потом будет продвигать и практиковать тот же Бисмарк.

В этом смысле Россия подтягивала Германию за собой – у нас такой проблемы не существовало, поскольку все этнические русские, кроме галицких русин, были воссоединены в пределах одной территории одного государства. У нас была противоположная проблема – у нас были огромные вкрапления не просто иноэтнических, но иноцивилизационных структур: Кавказ, впоследствии Средняя Азия, Польша с её взглядом на Россию как на «отсталую» страну, Прибалтика с остзейцами с их взглядом на Россию как на «отсталую» страну – но, при этом, если остзейцы претендовали на то, что они возьмут этих русских и выучат, то поляки требовали себе свою свободу и западные губернии с малороссийско-белорусским населением впридачу. И вот всё это надо было как-то интегрировать. Поэтому в России национализма германского типа возникнуть не могло.

Начались поиски в разных формах этой интегрирующей идеи с разных сторон. Здесь произошла интересная штука, связанная с тем, что этот импульс был перехвачен людьми, также настроенными патриотически, в определённом смысле также русофильски, но при этом сочетали всё это с революционным радикализмом – это декабристы, поразительные именно тем, что в их идеологии идея сокрушить самодержавие и «деспотизм» даже ценой цареубийства, устроить радикальный революционный переворот, сочетались с ощущением глубоко внутреннего патриотизма с таким своеобразным славянофильством и архаизмом.

Пестель и многие декабристы вообще были языковыми националистами шишковского типа - архаистами – приложением к «Русской Правде» является многостраничный перевод

большинства военных и административных заимствованных терминов на самобытные русские, вплоть до совершенно диких построений, вроде алебарда – самотык или сенаторы – бояре. На протяжении всего пути будущих декабристов, всех этих тайных обществ, всегда колебалось определённое стремление к революционному перевороту и эта патриотически-архаическая идеология.

Также стоит отметить, что если прочесть такой документ, как «Русская Правда», то перед нами предстанет такой манифест жёсткого радикального, достаточно ассимиляционистского русского национализма, что в определённых границах, которые Пестель определяет принципом «благоудобства», все должны быть одинаковыми, то есть, русскими. Каким образом это всё можно было бы интегрировать? При усматривавшейся Пестелем ликвидации монархии, притом, что вся эта имперская структура базировалась именно на монархии – это в высшей степени загадка.

Стоит вспомнить про сентябрьский заговор 1817 года. Он раньше подавался так: будущие декабристы узнали, что Александр I хочет ввести в Польше конституцию, и возмутились тем, что царь считает Польшу достойной конституции, а Россию нет, поэтому составили против него заговор с целью убийства. На самом же деле всё было совершенно иначе. Князь Сергей Трубецкой прислал московским членам Союза Спасения письмо о том, что ходят слухи, что Император отправляется в Польшу даровать ей конституцию, после чего отдать ей всё то, что Россия забрала у неё при разделах Речи Посполитой, а для того, чтобы русские дворяне не сопротивлялись этой идее, он одновременно должен был объявить об освобождении крестьян, которые тогда начнут резать помещиков, которым будет не до защиты западнорусских земель – и польская интрига, таким образом, совершится.

Это, конечно, была совершенно бредовая теория, но, будучи, по собственному признанию, изрядно пьяны и хорошо накурившись трубок, москвичи решили, что раз такое дело, что Государь, фактически, становится изменником Отечества, то его надо убить. Якушкин взял на себя миссию застрелить его в Кремле, после чего застрелиться самому. План, надо сказать, сомнительный в обеих своих частях.

Протрезвев и осознав потом, до чего они доболтались, до, фактически, государственной измены, будущие декабристы срочно распустили Союз Спасения и создали на его месте Союз Благоденствия, значительно менее радикально настроенный. Большую роль там играл Михаил Николаевич Муравьёв, будущий усмиритель польского мятежа 1863 – 1864 годов. Он же написал довольно умеренный и разумный устав. Стоит отметить, что его брат, Александр, привлекал людей в общество, говоря о том, что их целью является борьба с иностранцами и их влиянием. Пестель, надо сказать, будучи немцем и лютеранином по своему происхождению, воспринимался как свой, русский – он родился в России и был подданным российской Короны.

Но, так или иначе, после того, как Империя столкнулась в лице выступления декабристов, а главное того, что было узнано об их идеях – главным шоком был не сам мятеж, которое с внешней стороны смотрелось как малозначительный бунт в пользу Цесаревича и Великого князя Константина Павловича, потому что 90% участников выступления никогда бы не вышло на площадь, если бы они думали, что их задача не воцарить Константина, а истребить монархию, установить конституцию и провозгласить республику, главным шоком стало следствие, в ходе которого открылись «Зелёная книга», «Русская Правда», «Конституция» Никиты Муравьёва, всё, что они рассказали о себе в процессе. Всё это действительно произвело на того же Императора Николая I совершенно шокирующее впечатление.

В этом смысле, вся логика царствования Николая I – это попытка выстроить определённый барьер против революций, не допустить ни в коем случае, никаким способом, ни с какой стороны революции в России. Император был человек очень глубокий, продуманный в своих целях, в своих задачах в понимании того, что он хочет сделать со страной. Каков был его диагноз?

Диагноз №1 был – это всё европейское влияние, это не наше, не своё, не родное, это не от нас произошло, это всё последствия этих якобинских историй, которые через масонство и карбонарство перетекли к нашему молодому офицерству, особенно через иностранных воспитателей.

Одна из первых серьёзных тем, которые беспокоят Николая I – иностранные воспитатели и, действительно, за его правление они были изведены практически подчистую. Уже никаких французов и немцев, дававших образование дворянским отпрыскам, по большей части, уже не было, это было неприлично и выглядело неблагонадёжно. Но этого мало, этому нужно было что-то противопоставить.

И вот тогда граф С.С. Уваров, который в данном случае строго следовал указаниям Императора, выдвигает теорию официальной народности – Православие, Самодержавие и Народность. Они описываются как «остатки нашей самобытной цивилизации». Любимый историк Уварова Николай Герасимович Устрялов в одном из гимназических учебников даже написал «останки русской самобытности». Это то, что ещё действительно наше и что не поддаётся этому европейскому революционизирующемуся духу. Вот на это нужно опереться и, исходя из этих принципов, превратить русских в первую в Европе контрреволюционную нацию (главная политическая программа Николая I).

Если все остальные европейские нации так или иначе революционные, так или иначе занимаются тем, что бунтуют против суверена, пытаются противопоставить своё право нации праву суверена, то Николай I, который, на самом деле, вопреки всей создававшейся сначала либеральной мифологии XIX века, а потом и советской мифологии XX века, был человеком глубоко интеллектуальным – он продумывал свои основные политические принципы, он умел их сформулировать, он умел разобраться, кто из писателей, художников и композиторов может ему лучше всего помочь эти принципы воплотить (отсюда как раз идёт его постоянное попечение о Пушкине). Он формулирует эту концепцию – что мы выстроим первую в Европе контрреволюционную нацию, которая будет защищать свою самобытность, включая Православие, Самодержавие и Народность как основы этой самобытности.

Царь начинает культурную контрреволюцию к культурной революции Петра Великого. При Петре была идея, что Россия – молодая европейская держава, которая осваивала всю эту европейскую цивилизацию с пафосом неофита. Чтобы удержаться от западных революционных волн, нужно отойти от слепого и полного подражания Западу. Нужно развивать и укреплять нашу самобытность. В этой логике шли внутренняя и внешняя политика и, что важнее всего, культурная. Уваров был, по сути, выразителем и секретарём, фиксирующим мысли Императора.

В чём была суть этой политики? В том, что тысячелетняя Россия, на которую теперь опиралось правительство вместо европейского поворота Петра, стала, практически, как такая Атлантида, всплывать на поверхность во множестве разных форм. Уваров писал:

> «К какому прибегнули мы средству и какое орудие оказало более услуг, как не возбуждение духа отечественного в тройственной формуле «Православие. Самодержавие. Народность»? Если наши сыновья лучше нас знают родной язык, если они ближе знакомы с нашей историей, с нашими преданиями и народным бытом, то не произошло ли все это оттого, что образованию их дано повсюду русское направление? Для усиления и укрепления этого духа Министерство необходимо обязано было обратиться к источнику оного – к основательному изучению церковнославянского языка и сродных славянских наречий, и потому, с разрешения Вашего Величества, учреждены в русских университетах кафедры славянского языка и занятие оным поставлено обязанностью и в средних учебных заведениях. Главнейшие памятники нашей древней славяно-русской литературы вышли из забвения, множество актов и документов, служащих к узаконению истории, обнародованы иждивением правительства...».

Что из этого было сделано на практике? Взяли и организованным порядком, как принято в Европе XIX века, при помощи регулярной школы, гимназий и университетов, стали учить русских быть русскими. После того, что было прежде со всеми этими «сперва Madame за ним ходила, / Потом Monsieur её сменил», этому действительно приходилось учиться. И вот вся образовательная программа основана на том, чтобы внезапно, неожиданно, на разных направлениях открывать всё больше информации русским об их идентичности.

Начинается переоткрытие древнерусской литературы. Профессор Степан Шевырёв в Московском университете читает курс истории русской литературы, где именно ей отводится главное место. Выясняется, что русская литература начинается не с Тредиаковского и Ломоносова, не с Жуковского, Карамзина и Пушкина, а со «Слова о полку Игореве», «Повести временных лет» и так далее.

Публикуется невероятное количество архивных исторических документов. Работает Археографическая комиссия, которая ищет древние рукописи, совершает поездки по старинным монастырям в их поисках, а потом найденное изучает и публикует. Так что при Николае I было издано максимальное количество источников по русской истории.

В своё время открытие новых документов повлияло на написание «Истории» Карамзина, который от художественного её описания перешёл к следованию документальным фактам, хотя до конца от этого не отказался. Но он учился писать по документам прямо на ходу. Для следующего поколения русской историографии, вроде Сергея Соловьёва, писать по документам и как можно ближе, становится чем-то само собой разумеющимся. Русская история теперь выглядит как действительно что-то существующее и опирающееся на исторические источники.

Начинается разработка Русского Стиля в архитектуре, а также и в дизайне. Установку на это сделал лично сам Император, пожелавший, чтобы храмы в России впредь строились в стиле Древней Руси. Всем известен архитектор Константин Тон, создатель Храма Христа Спасителя и Большого Кремлёвского дворца. При этом, стоит отметить, что его постройки являются классицистическим переосмыслением древнерусских мотивов. Впоследствии, другие архитекторы пойдут уже по более археологическому пути. Но начало процессу было положено.

Рядом с Тоном нужно поставить Фёдора Солнцева, замечательного рисовальщика, который подробнейшим образом, в многотомном издании «Древности Государства Российского» отрисовал шапку Мономаха, кубки из Оружейной палаты, древние боярские костюмы,

разные сабли – всю имевшуюся на тот момент или только что открытую русскую древность в очень гламурном стиле. Это вошло в актуальное художественное и культурное сознание. Так совершилось создание визуального содержания Русского стиля. Но самым грандиозным и выдающимся подвигом Солнцева является создание интерьеров Теремного дворца в стиле XVII века. Задача была реализована абсолютно блистательно.

В музыке появляется опера «Жизнь за Царя» Михаила Глинки, посвящённая идее единения монарха и народа. Было отстроено полноформатное представление о том, какой должна быть эта самобытная русская цивилизация, опирающаяся на эти самые принципы Православия, Самодержавия и Народности. Понятно, что предпосылки для всего этого были заложены в предыдущую эпоху Карамзиным, Шишковым и прочими, но здесь это становится целенаправленной, проводившейся несколько десятилетий государственной политикой.

Это был главный итог культурной политики Николая I, который не исчерпал себя, на самом деле, даже в советское время, даже по сей день. Мы, в общем-то, до сих пор живём в реальности, созданной Николаем I, потому что наше историческое мышление, историческое сознание, понимание цивилизации, в которой мы живём, возникло именно в период его царствования. Мы отчитываем себя не от Петра Великого, а от Рюрика и князя Владимира.

Это даже ещё более интенсифицировалось в советское время после первых 15 лет тотального нигилизма, когда советская власть начала обосновывать себя на фундаменте русской истории и для этого была взята Древняя Русь. Действовал жёсткий закон – возрастание позитива по мере исторического отдаления. Вот Николай II – его ненавидим, к Екатерине и Петру Великим относимся уже с уважением, к Александру Невскому – с полным восторгом. Вот это обоснование себя через тысячелетнюю Россию, впервые включённое в понятие государственной легитимности именно при Николае I, сохранилось, а в какой-то момент, в брежневскую эпоху, оно очень укрепилось, потому что более поздние времена оказались менее благоприятными, чем Древняя Русь.

Причём, даже памятник Николаю I в советское время так и не снесли, несмотря на все негативные оценки в его адрес. Так он и стоял всё советское время по другую сторону от Сенатской площади, названной площадью Декабристов (в 2008 году историческое название площади было возвращено), напротив Исаакиевского собора и стоит до сих пор. (Любопытно, что если памятник Петру, Медный всадник, был воспет Пушкиным, то памятник Николаю I появляется в стихотворении Николая Гумилёва – «Всадника длань в железной перчатке / И два копыта его коня», описание точное и узнаваемое). Нужно осознать осевой характер николаевской эпохи – и тогда лучше становится понятно всё остальное, в частности, распределение дальнейших идеологий в царствование Александра II.

И вот вся дальнейшая идеологическая карта России в послениколаевскую эпоху была построена на той или иной реакции на эту николаевскую культурную контрреволюцию. Разные идеологии решали, как им воспринимать те результаты, которые были достигнуты в эпоху Николая I. Отметим четыре направления: революционный радикализм, западнический либерализм, консервативное охранительство и славянофильство.

Начнём с революционного радикализма. Главная его мысль – движение вместе с революционной Европой по пути прогресса. Если Европа движется по пути революции, то это прекрасно и надо нам идти вслед за ней, бежать задрав штаны. Если же европейцы сами

недостаточно решительно проявляют какие-то революционные тенденции, то мы должны бежать даже впереди. Это то, к чему пришёл Герцен. Базовая идея – что есть единственный истинный прогресс, обозначенный перспективами европейского революционного радикализма и, несмотря на всю эту «гнусную реакцию» эпохи Николая I, надо двигаться в эту сторону, сносить любые препятствия у себя на пути, не гнушаясь никакими средствами – пропаганда революции, расшатывание власти, терроризм.

Второе направление основано на непризнании логики николаевской культурной революции – либеральное западничество. Либералы исходили из того, что решение, принятое Петром, было в сущности верным – надо двигаться как можно дальше по европейскому пути, дальше стирать всякую самобытность России по сравнению с Европой, потому что вся наша самобытность есть зло и татарщина, следствие нашего несчастья, поскольку мы находимся на самом востоке Европы, на границе с Азией, как отмечается в той же философии истории, выраженной историком-западником Сергеем Соловьёвым. Нам, соответственно, от этого надо избавиться, очиститься и быть нормальной обычной европейской нацией.

А то, что европеизм ведёт к революции, с точки зрения либералов, была просто неправда. Они говорили о том, что все эти революционные эксцессы, в сущности, глубоко в прошлом, это побочный результат, а вот то ли дело современная на тот момент Европа – в Британии правительство Пальмерстона, во Франции – Наполеон III, стабильная буржуазно-социальная империя, в Германии начинается Бисмарк, в Италии какой-нибудь Кавур. Европа смотрелась очень респектабельно, либерально, относительно консервативно. Поэтому надо двигаться туда дальше, не отвлекаясь ни на какие эксперименты с почвенничеством, надо расширять тот список либеральных свобод, который сейчас актуален в Европе. Правительство должно было, по пушкинской формуле, быть первым европейцем в России.

В чём же здесь была проблема? В том, что, при этом, для доказательства движения по пути реформ либералы чаще всего использовали угрозы революцией. Фактически они выступали с революционерами-радикалами в своеобразном тандеме. Катков определил, чем отличается революционер от либерала: «Революционер говорит правительству: «Уступи, или я буду стрелять!», а либерал говорит правительству: «Уступи, или он будет стрелять!»». То есть вот заявлялось, что революция получается потому, что разумных свободолюбивых идей правительство не слышит, вместо всего этого занимаясь «николаевской реакцией» и пестованием самобытности. Поэтому для западничества второй половины XIX века Николай I превращается в демоническую фигуру. Это отражается в значительной части русской литературы, в публицистической мифологии. В отношении его никогда не стеснялись никакими приёмами, вплоть до прямых фальсификаций, вроде выдумывания и приписывания ему фраз, которых он никогда не говорил. И всё потому, что он первый придумал, как обосновать самодержавие по-новому.

Логично, что оппонентами либералов-западников оказались консервативные охранители. Их логика была основана на том, что они признавали необходимость каких-то реформ и движение по европейскому пути, но, прежде всего, нужно сохранить субъект той политической деятельности, в рамках которой возможны любые реформы, любые движения к Западу или от Запада. Если у вас нет государственного субъекта, то у вас нет и не может быть никаких прав и свобод, не может быть никаких реформ и прогрессивных преобразований, просто потому, что нет той политической силы и инфраструктуры, которая всё это обеспечит. Поэтому давайте, прежде всего, сохранять этот субъект суверенитета, а все эти либеральные затеи его ослабляют, а уж революционные затеи вообще грозятся его

уничтожить полностью. Поэтому нужно сохранять это ядро суверенитета, чтобы иметь возможность продолжать движение куда бы то ни было.

Консервативные охранители чаще всего придерживались именно этого принципа. Для них самым ценным в конструкции тогдашней Российской Империи было именно государство, причём, сильное государство, достаточно эффективное, которое нужно предохранять от революции, от ослабления и от сепаратизма. Их отношение к самобытности российской цивилизации было достаточно индифферентным и у разных консерваторов значительно различалось. Со временем, консерваторы и славянофилы в значительной степени сближаются, но исходно их ни в коем случае нельзя путать. Самая существенная ошибка в анализе идеологического спектра России середины XIX века – путать между собой охранителей-консерваторов и славянофилов, то есть путать между собой Каткова и Аксакова. Делать этого нельзя ни в коем случае.

Логика славянофилов была совершенно другой. Они приняли, прежде всего, именно базовый постулат николаевской культурной контрреволюции – что Россия это отдельная, самостоятельная, самобытная цивилизация и сделали это с гораздо большей искренностью, полнотой и убеждённостью, чем сам Николай I, его бюрократия и его последователи. Они отнеслись к этому тезису абсолютно всерьёз – мы другая цивилизация, другой исторический мир, другая культура.

В литературе нередко проявляется тенденция разводить Николая I и славянофилов между собой, это тоже не совсем верно. Уваров очень активно им покровительствовал. Николай I посадил Самарина в крепость за «Письма из Риги» – очень дерзкая вещь для той эпохи, посвящённая тому, что автор прибыл в Ригу с ревизией, а там вообще немцы не считают русских за людей, и вот Самарин задается вопросом: что же это такое, чья же это вообще Империя? Наша ли она или немецкая? Или чья? За это Самарин действительно ненадолго оказался в Петропавловской крепости, но не за мнение, а за то, что, будучи должностным лицом при исполнении, позволил себе сочинить подобный памфлет. «Вы хотите принуждением, силой сделать из немцев русских, с мечом в руках, как Магомет; но мы этого не должны именно потому что мы – христиане», сказал ему Император, считавший, что надо всё делать постепенно. Конфликт этот очень быстро исчерпался.

Так что, когда говорят о принципиальных противоречиях славянофилов и Государя, когда противопоставляют друг другу официальную народность и славянофильскую народность, это не совсем точно. Но на уровне идей определённое внутреннее напряжение было. В чём оно выражалось?

Николай I и Уваров сходились в том, что Россия – это европейская нация, которая имеет определённый элемент самобытности и его защищает. Из чего начали исходить славянофилы? Из того, что Россия – это другая цивилизация, из того что, в принципе, сами основы нашей культурной матрицы иные по сравнению с Западной Европой и, соответственно, все те треволнения, которые касаются Европы, нас не касаются. Поэтому нам не надо усиленно противостоять этой европейской революции, а нужно жить как-то вне её. Это не должно нас смущать, это чужие дела, дела, по сути, инопланетян. Надо исходить из того, что политическая борьба марсиан не может на нас сказаться ни в положительном, ни в отрицательном смысле. Мы не должны подражать марсианам, но и назло марсианам у себя ужесточать порядки тоже не надо. Поэтому периодически в номенклатуре наших исследователей славянофилы попадают в разряд «либералов», притом, что таковыми они не были, но исходили из того, что эти европейские смятения и шатания не должны

принципиально ограничивать свободы русского человека, потому что он совершенно другой.

Константин Сергеевич Аксаков в этом смысле придумал такую изощрённую, не иезуитскую, но казуистическую логику в своей записке «О внутреннем состоянии России» о том, что русский народ не политический, что мы не стремимся к народному суверенитету, мы не стремимся ко всем этим избирательным правам и, соответственно, поэтому не нужно ограничивать русских в свободе высказывания своего мнения. Отсюда звучит его дихотомия: «правительству – сила власти, земле [т.е. народу] – сила мнения». На деле это означает всё тот же народный суверенитет, но только по другим принципам. Он осуществляется не через выборы и не через парламент, а через то, что некоторое консенсусное большинство народа или, по крайней мере, той части, которая умеет хорошо говорить за народ. Если внимательно вдуматься, то «земле – сила мнения» это гораздо более жёсткая политическая программа, чем любой либеральный западнический парламентаризм. Из неё следует, что непосредственно вся земля и весь народ может диктовать правительству «вот туда – ходи, а туда – не ходи».

Это было наглядно протестировано младшим братом - Иваном Аксаковым во время внешнеполитического кризиса 1876 – 1877 годов, когда созданные при его решающем участии славянские комитеты развернули такую агитационную активность, такую работу с общественным мнением всех сословий, что в какой-то момент, фактически, стало ясно, что русский народ, хочет того царь или нет, нравится это правительству или нет, находится в состоянии войны с Турцией. Было и активное добровольческое движение, когда отправлялись на войну в защиту Сербии, в том числе и опытные русские генералы. Была массовая агитация, охватившая всех, до Достоевского и Тургенева (абсолютных литературных и идеологических врагов). Правительство же войну не хотело: военное министерство боялось, что реформированная по призывному принципу армия не справится, министерство финансов – что будет дефолт, к бабке не ходи, министерство иностранных дел было уверено в том, что закончится всё такой же антироссийской коалицией, как в Крымскую войну. Но агитация была настолько всеобщей, что другого выхода, кроме как объявить эту войну, у правительства и у Императора не осталось. По счастью, всё обошлось достаточно благополучно – армия себя показала хорошо, финансы, правда, показали себя плохо, внешнеполитическая ситуация сложилась не очень благоприятно, но всё же результат был отличным от нуля. Так что этот механизм «земле – сила мнения» оказался вполне работоспособным.

Первая философская формулировка неприятия николаевской контрреволюции дана западничеством, у Чаадаева. На самом деле, самобытность России заключается в том, что исходно мы зашли «не туда». Пётр для него не то, чтобы прав, но он не прав на более глубоком уровне, он не осознаёт, что эта ошибка неисправима. Он считает, что некая ошибка была совершена исходно, при византийском выборе вместо выбора католического Запада – и, в общем-то, с этим, строго говоря, ничего не сделать, надо только где-то найти своё место в этой заведомо трагической ситуации. Не случайно в практической политической плоскости Чаадаев, в общем и целом, был человек довольно консервативный. Например, по фундаментальному вопросу, по которому все делились на правых и левых – по польскому вопросу, Чаадаев, несмотря на все свои прокатолические симпатии, был настроен абсолютно антипольски. По многим другим вопросам также характерно, что, когда все закидывали Гоголя за его «Выбранные места из переписки с друзьями», Чаадаев был одним из немногих, кто его поддержал.

Кто громче всех травил Гоголя – мы прекрасно помним с детства: это был Белинский. Известны общие вещи, что Белинский «осудил Гоголя за низкопоклонство перед самодержавием» и «восславил идеалы свободы». На самом деле, текст Белинского просто написан с ненавистью от первого до последнего слова – ненавистью к Православной Церкви, ненавистью к Самодержавию, ненавистью к любым попыткам на этой основе что-то выстроить:

> «Россия видит своё спасение не в мистицизме, не в аскетизме, не в пиетизме, а в успехах цивилизации, просвещения, гуманности. Ей нужны не проповеди (довольно она слышала их!), не молитвы (довольно она твердила их!), а пробуждение в народе чувства человеческого достоинства, столько веков потерянного в грязи и навозе, права и законы, сообразные не с учением церкви, а со здравым смыслом и справедливостью, и строгое, по возможности, их выполнение… Самые живые, современные национальные вопросы в России теперь: уничтожение крепостного права, отменение телесного наказания, введение по возможности строгого выполнения хотя бы тех законов, которые уже есть… Проповедник кнута, апостол невежества, поборник обскурантизма и мракобесия, панегирист татарских нравов – что Вы делаете?.. Взгляните себе под ноги: ведь Вы стоите над бездною… Что Вы подобное учение опираете на православную церковь – это я ещё понимаю: она всегда была опорою кнута и угодницей деспотизма.... Церковь же явилась иерархией, стало быть поборницею неравенства, льстецом власти, врагом и гонительницею братства между людьми, – чем и продолжает быть до сих пор. Вы искренно, от души, пропели гимн гнусному русскому духовенству… По-Вашему, русский народ – самый религиозный в мире: ложь! Приглядитесь пристальнее, и Вы увидите, что это по натуре своей глубоко атеистический народ. В нем ещё много суеверия, но нет и следа религиозности. Суеверие проходит с успехами цивилизации; но религиозность часто уживается и с ними. Русский народ не таков: мистическая экзальтация вовсе не в его натуре; у него слишком много для этого здравого смысла, ясности и положительности в уме…… Да простит Вас Ваш византийский Бог за эту византийскую мысль, если только, передавши её бумаге, Вы не знали, что творили…»

Белинский формулирует базовый в этом смысле принцип – самодержавие является некой сдерживающей, портящей всё и вся инстанцией в России и, соответственно, его надо попросту сковырнуть, после чего мы устремимся по «истинному пути». В чём он состоит? Для революционных радикалов, радикального западничества это путь революционной Европы, возвращение на ещё более фундаментальном уровне, чем у декабристов, к идее, что мы пойдём за Европой до тех пределов, до которых пойдёт она, мы втянемся в этот её революционный процесс.

Потом, правда, выясняется интересное – что сама Европа, в целом-то, не стремится к этому революционному процессу. Это открытие для себя делает следующий лидер западников Герцен, когда он неожиданно обнаруживает, что его радикальные революционные идеи не совсем соответствуют тому, что себе представляет средний парижанин. Для него подавление рабочих выступлений летом 1848 года было тем, что парижская буржуазия не захотела повторения 1793 года (впрочем, потом в недолгий период Парижской коммуны 1781 года радикалы немного отыгрались). Это стало для него неким шоком – и тогда появляется его книга «С другого берега», его утопичные построения: «А вот может всё же Россия и русский мужик благодаря своей общинности совершат эту революцию, к которой Запад оказался непригоден» – это в какой-то другой совершенно логике.

Но Белинский ещё искренне верил, что западные идеалы где-то там, что всё, что надо – это за ним бежать, а «самодержавие и попы», которых он отчаянно ненавидел, всему этому мешают. И, в общем, вот здесь вся эта концентрированная философия радикального западничества, которое потом превратится в революционный радикализм, она сконцентрирована в его письме Гоголю. Когда Достоевского судили за распространение и чтение этого письма, понятно, что это, действительно, по условиям той эпохи объективно было преступлением. Наверное, не будь это историческим документом, на него и сейчас кто-нибудь мог бы пожаловаться за оскорбление чувств верующих.

Гоголь на письмо это ответил – он написал прекрасный, великолепный ответ, но он никогда не стал фактом общественной мысли, поскольку он его попросту не отправил. Письмо гоголя было опубликовано только очень сильно задним числом. Притом, что ответ там глубоко продуманный, там проговорены все базовые славянофильские тезисы – очень недружелюбно и в то же время вдумчиво. Вместо этого он отправил какое-то обтекаемое и успокаивающее письмо, явно из жалости к Белинскому, который в это время умирал от туберкулёза, предпочтя это вместо публичной полемики.

Она шла ещё между друзьями – некие элементы взаимной вражды в этой среде наметились только в начале 1860-х годов, когда пошли уже всякие подстрекательства от Герцена и Чернышевского на тему «Русь, к топору!»

Приведу некоторые цитаты из подобных подстрекательских документов. Пётр Заичневский в прокламации «Молодая Россия» пишет:

> «Мы не испугаемся, если увидим, что для ниспровержения современного порядка приходится пролить втрое больше крови, чем пролито Якобинцами… Мы издадим один крик: «в топоры», и тогда... бей императорскую партию, не жалея… бей на площадях, если эта подлая сволочь осмелится выйти на них, бей в домах, бей в тесных переулках городов…».

Вот Николай Чернышевский в прокламации «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон»:

> «Ружьями запасайтесь, кто может, да всяким оружием… Когда промеж вами единодушие будет, в ту пору и назначение выйдет, что пора, дескать, всем дружно начинать. Мы уж увидим, когда пора будет, и объявление сделаем. Ведь у нас по всем местам свои люди есть, отовсюду нам вести приходят, как народ, да что народ... Печатано письмецо это в славном городе Христиании, в славном царстве Шведском[1], потому что в русском царстве царь правду печатать не велит».

Вот пишет Дмитрий Писарев:

> «Что можно разбить, то и нужно разбивать; что выдержит удар, то годится; что разлетится вдребезги, то хлам: во всяком случае, бей направо и налево, от этого вреда не будет и не может быть».

И, наконец, Николай Добролюбов в «Письме из провинции»: «Пусть ваш Колокол благовестит не к молебну, а звонит набат! К топору зовите Русь!»

[1] Ныне – столица Норвегии Осло, тогда это была часть Швеции.

Начались серьёзные прения в связи с польским мятежом. Очень важно помнить, что, в принципе, польский вопрос для идеологического самоопределения представителей всех тогдашних лагерей имел принципиальное значение. Все выстраивались по разные стороны разграничительной линии в зависимости от своего отношения к польскому вопросу. С одной стороны – радикалы и западники, исходящие из того, что нужно любой ценой поддержать поляков, исходя из логики лозунга «За нашу и вашу свободу!».

При этом некоторые даже не стеснялись заходить очень далеко, как всё тот же Герцен, производящий очень странное и шокирующее впечатление при знакомстве с его мемуарами, а уж если покопаться в собрании сочинений, в текстах из «Колокола», публиковавшихся во время Крымской войны, где он не только вёл пораженческую агитацию, но и выражал сожаление по поводу того, что английская эскадра, обстреливая на Пасху Одессу, недостаточно хорошо стреляла, надо было больше, а то, что на Пасху, так то не имеет значения. В «Колоколе» он тоже договаривается до откровенно гнусных вещей:

> «Если б Сибирь завтра отделилась от России, мы первые приветствовали бы её новую жизнь. Государственная целость вовсе не совпадает с народным благосостоянием. В силу этого нам было бы очень жаль, если б Малороссия, например, призванная свободно выразить свою мысль, не умела бы остаться при полной независимости…».

В 1866 году Герцен прямо признавался: «Абсолютное, неотчуждаемое право польской национальности было всегда для нас догмой». Поразительно, что именем этого, будем откровенны, иноагента у нас до сих пор названы институты, улицы, школы, даже жилые комплексы.

Причём, там есть определённый момент – как это всё напрямую вытекает из Белинского? У него один из ключевых тезисов – русский человек нерелигиозен, ему всех этих идеалистических фантазий не надо, ему бы землицы, каких-то практических вещей. Потом на этот тезис о сугубой религиозности русских идёт дальнейшая атака, в том числе и визуальная (в этом понимании Белинского характерен «Крестный ход на Пасху» Перова). Для чего это дальше использует Герцен в своём знаменитом послании к русским офицерам, опубликованном в «Колоколе» – он там говорит, что русские нерелигиозны, им не нужны все эти фантастические мечтания, поэтому вот ничего страшного, если отделится Сибирь, если Украина отделится, нужно решение земельного и социального вопроса, а все эти фантазии к ним никакого отношения не имеют. За 15 лет эта логика от абстрактной полемики Белинского с Гоголем доходит до вполне конкретного распиливания государства на части.

Разумеется, что так мыслили не все. Сейчас всё больше внимания привлекает фигура Михаила Николаевича Муравьёва-Виленского, которого советская историография усиленно старалась клеймить ярлыком «вешателя». Ярлык этот произошёл следующим образом. В составе польских мятежных структур были жандармы-вешатели, которые казнили тех людей, которые, так или иначе, выступали против мятежников, а их было довольно много – крестьяне, чиновники, православные священники. Террор этот приобрёл довольно большой масштаб. От рук этих жандармов-вешателей погибло больше тысячи человек известных поименно. Соответственно, когда Муравьёв начал практиковать репрессивные методы против польских мятежников, этот ярлык попытались привесить ему – с больной головы на здоровую, что называется, хотя бы потому, что весь список конфирмованных Муравьёвым приговоров составляет 128 человек, известный поимённо, причём не все из них участники мятежа. Хотя большинство мятежников там были казнены

за конкретные преступления – в значительном части это были те самые жандармы-вешатели. Но часть героев этого списка – российские военнослужащие, совершившие военные преступления: например, три казака были отправлены на виселицу за убийство и изнасилование еврейки – по этой логике получается, что они тоже были «борцами за свободу Польши».

В Муравьёве, некоторым образом, сосредоточились сразу несколько идеологических трендов, поскольку он был одним из основателей и идеологов декабристского движения – он от него отошёл тогда, когда там начали обсуждаться планы цареубийства. Именно Муравьёв был одним из инициаторов закрытия Союза Спасения, договорившегося до планов убить Императора и превращения этого всего в реформаторский Союз Благоденствия. Будучи последовательным представителем тех самых настроений, о которых упоминалось в связи с 1812 годом – стопроцентно этноцентрического национализма, Муравьёв исходил из того, что во всём должна проводиться последовательная русская политика.

Что это означало применительно к Польше? Максимальное угнетение польской шляхты и максимальное развитие русского мужика. Муравьёв произвёл там абсолютно «красную» земельную реформу и огромную работу по актуализации Православия и русской идентичности в сознании крестьян. Вот что писал сам Муравьёв, оценивая ситуацию:

> «Край тот искони русский, мы сами его ополячили… теперь надо решительно подавить мятеж и уничтожить крамолу и восстановить русскую народность и православие в крае. Одна система, – строгое преследование крамолы и мятежа, возвышение достоинства русской национальности и самого духа в войске, которое теперь негодует оттого, что оно, будучи постоянно оскорбляемо поляками, не имело даже права противодействовать их буйству; необходимо дать решительный отпор иностранным державам, которые будут всеми средствами опорочивать предлагаемую мною систему строгого преследования мятежа и польского революционного духа…»

Сейчас усилиями Антона Алиханова поставлен памятник Муравьеву в Калининграде. Но именно Муравьёву должны ставить памятники в Белоруссии, поскольку именно благодаря ему существуют белорусы и Белоруссия, а не Восточная Польша. Эти реформы считались самим Муравьёвым главными, поскольку важен был именно принцип политики, которую он дальше выбрал.

Для всей патриотической России Муравьёв и политический певец всех его мероприятий Катков оказались таким сосредоточием русского национального возрождения. Муравьёв для них рассматривался не иначе как национальный герой. Только после захвата власти большевиками произошло его изъятие из пантеона национальных героев.

Позже многих русских героев в этот пантеон вернули обратно, как того же Багратиона – а ведь в 1931 году монумент на батарее Раевского был разрушен, кости Багратиона попросту выкинули из могилы, и восстановили монумент и перезахоронили обратно остатки костей только в 1987 году. Были и те, кто был не реабилитирован или реабилитирован частично – о них стало можно упоминать, но всегда с такой кривой миной, как, например, Скобелев: с одной стороны, он герой освобождения Болгарии, а с другой стороны – покоритель Средней Азии провозглавшавший «Россия для русских». И вот это тоже очень характерно проявляется - памятник Скобелеву стоял там, где сейчас Юрий Долгорукий. Поэтому новый памятник поставили на окраине Москвы, на юго-западе, но почему-то он лишился при этом

своей фуражки и поменялось положение сабли. Видимо какая-то подсознательная интерпретация неполноценности героизма присутствует до сих пор.

Муравьёв же в этом смысле был, что называется, «неизлечим», потому что подавлял «наших революционных братьев», его ненавидел Герцен. Хотя всё равно при этом в советские времена бывали странные повороты – например, в книге о видном вожде польского мятежа Сераковском, где описывалась история его казни, Муравьёв прописан как последовательный защитник государственных интересов. Фактически, за Сераковского хлопочет двор, высшая аристократия. Равно пропольски были настроены революционные круги и петербургские аристократические круги, что выразилось в конфликте, описанном в стихотворении Тютчева «Гуманный внук воинственного деда» – о том, как генерал-губернатор Петербурга граф Суворов, внук великого полководца, отказался подписать приветственный адрес Муравьёву. Ненавидели его за то, что тот казнил польских шляхтичей, которые одни только считались в этом крае полноправными гражданами. Но для Муравьёва в деле защиты Отечества никакие сословные привилегии ничего не значили – русские мужики схватили польского графа Плятера, а русский генерал-губернатор приказал его казнить. И никакие происхождение и связи в высшем свете мятежнику не помогли.

Важно то, что польский вопрос был объективно одним из ключевых в повестке – без него ни один идеолог любого направления не мог никак обойтись. Все поделились на про-поляков и антигосударственников и на анти-поляков и государственников. Это, на самом деле, очень сильно изменило в эпоху Александра II внутриполитическую ситуацию, потому что было осознано очень важное ограничение любых реформ, любых преобразований – чтобы государство при этом не распалось. Если в процессе обретения новых прав и свобод распадётся государство, то распадутся и сами права и свободы, потому что свободным можно быть только в качестве гражданина какого-то государства, только пользуясь определёнными гарантированными ему правами. Если этого государства не будет, если оно превратится в руины, то никакой свободы тогда никому не светит.

Катков, в итоге, превратился в консерватора, что абсолютно логично вытекало из его философии. Вот что он пишет:

> «До сих пор почти всё, чем может дорожить живой народ, приносилось в жертву одному великому делу – делу собирания Русской земли в одно целое, делу созидания этого громадного государственного тела: проливались для этой цели потоки крови, гибли целые поколения; для укрепления единой государственной власти народ отказывался от всех своих прав и вольностей… И вдруг всё это великое многотрудное дело должно поколебаться, должно подвергнуться опасности…».

А вот что пишет либерал и западник Борис Чичерин:

> «Не презирать отечество с высоты европейского просвещения, а усвоить для него плоды этого просвещения… распространить в родной земле хотя бы неслышными и незаметными путями добытые человечеством умственные блага, сеять на тучной, но необработанной русской почве выращенные Европой семена мысли… С высокомерным презрением трактуете вы все средние формы и ступени, все посредующие звенья исторической цепи. А между тем эти средние формы составляют жизнь обществ и народов: по ним совершается движение вперед… Всякий народ должен воспитаться до известной формы жизни… история как природа не делает скачков… Если либералы, стремясь к улучшениям, нередко

> покидают практическую почву во имя теоретических начал, то для радикалов отвлечённая идея, доведенная до крайних последствий, составляет начало и конец их политических возрений…. Политическая свобода может быть отдаленным идеалом русского человека: насущная потребность заключается единственно в установлении живой связи между правительством и обществом для совокупного отпора разлагающим элементам и для внесения порядка в русскую землю…».

Катков и Чичерин осознали тот факт, что нужно быть либералами так, чтобы либерализуемое государственное целое не рухнуло. Чичерин однозначно осуждал цареубийство и выступал за то, чтобы поддерживать власть, которая могла бы обеспечивать проведение реформ. К сожалению, в либеральном дискурсе он был одиночкой. В результате возникает такая политическая идеология как охранительный либерализм. Внезапно выясняется, что для того, чтобы обеспечить продвижение вперёд реформ, нужно ещё защищать то государство, которое могло бы проводить эти самые реформы.

Это блестяще подтвердилось именно для российских либералов чичеринского разлива в это время, потому что после убийства революционными радикалами Александра II курс приобрёл значительно более жёсткий, нереформаторский, никак не нацеленный ни на какие конституции и представительство, характер. Было наглядно доказано, что, на самом деле, революционный радикализм является главным врагом либерализма. Но это, к сожалению, понимали не все.

У Чичерина на эту тему есть хороший текст про типологию либералов, где он показывает уличного либерала, салонного и академического с кафедры. Для уличных либералов радикалы оставались своими до самого конца, что бы они не говорили, а говорили они «прекрасные» вещи. Вот, например, Нечаев: «Ходить в школу, учиться – ерунда, ибо все развитые люди и самое достижение ими развитости есть – эксплуатация, так как развитые неизбежно эксплуатируют неразвитых». Или Бакунин: «Учить народ было бы глупо, ибо он сам лучше знает, что ему надо. Его нужно не учить, а бунтовать». Или вот: «Разбой – одна из почётнейших форм русской народной жизни». Это к вопросу об универсальности национализма как языка XIX века – эти радикальные революционеры тоже апеллировали к этому коду русской самобытности, но только вот ищут они её в другом.

«Разбойник – это герой, защитник, мститель народный, непримиримый враг государства и всего общественного и гражданского строя, установленного государством, борец на жизнь и на смерть против всей чиновно-дворянской и казённо-поповской цивилизации», пишет Бакунин. И еще: «Разбойник в России настоящий и единственный революционер, – революционер без фраз, без книжной риторики, революционер непримиримый, неутомимый и неукротимый на деле, революционер народнообщественный, а не политический и не сословный».

В своём «Катехизисе революционера» Нечаев провозглашал, что революционера интересует только ниспровержение существующего строя, а всех прочих людей нужно воспринимать как инструмент. Бакунин и Нечаев были фактически долгое время, что называется, не разлей вода.

Вообще важная тема в этой связи, когда мы говорим о Нечаеве, потому что здесь была произведена тонкая подмена акцентов. Нечаев стал представляться как такой крайний маргинал, как такая политически одиозная фигура, ничего общего с революционным движением не имеющая – «мы всю эту нечаевщину отвергаем, это ложный путь». Здесь «Бесы» Достоевского сыграли не совсем полезную роль – у него это, в большей степени,

такой метафизическо-криминальное явление, которое вытекает из Верховенского-старшего, то есть, из либералов-западников, но не вытекает напрямую из Чернышевского, Добролюбова, Писарева и всех прочих, что это не является некой квинтэссенцией этого революционного движения, но на самом деле оно, конечно же, являлось.

Ближайший к Ленину человек, временами не в меру болтливый, Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич в своей мемуарной статье «Ленин и литература» очень откровенно рассказал о том, что Ленин всегда Нечаевым восхищался и считал те постановки вопросов и те решения, которые он предлагал, например, на вопрос «кого истреблять из Царской Фамилии? – Всю великую ектенью!», то есть всех, кто ней был официально причислен и поминался в церквях через ектеньи. Ленина эта формулировка восхищала – и была реализована, поскольку указанных в великой ектенье лиц погибло, наверное, где-то 75%, всех, до кого смогли дотянуться. В этом смысле этот радикализм продолжается, он никуда не исчезает дальше, хотя понятное дело, что после цареубийства за эпоху Александра III всё это очень сильно приглушается.

Самым главным самообманом абсолютно всех русских идеологий XIX века была вера в какие-то неисчислимые силы народа, что вот достаточно только снять крышку с котла и оттуда выльется что-то невероятно благоуханное и созидательное. Это было самое главное разочарование, с которым столкнулись практически все общественные направления – от ходивших в народ революционеров до славянофилов.

Многие начали отвечать по-разному. Бывший западником Катков на тот факт, что. оказывается, никаких прямо принципиальных народных сил нет, а нужно всё тянуть при помощи правительства и всё организовывать сверху, превратился в охранителя – потому что если бюрократия это единственное начало, которое может что-то двигать, значит всё-таки надо охранять правительство, потому что без него всё развалится. Радикалы-революционеры на то же ответили перешли от тактики раскачивания мужицкой революции к заговорщицко-террористической – революцию тоже, оказывается, надо было организовывать. Сложнее всего в этом смысле было славянофилам, потому что для них эта категория народности была базовой, но такое направление славянофильства, представленное Константином Леонтьевым, оно уже по сути было антинародническим, по сути, элитистским – нам нужно вырастить свою самобытную элиту, которая уже потянет за собой всех остальных. Это важный момент для осознания всего того, что происходило в России в XIX веке, это то, что постепенно было осознано – и привело опять же к тому самообману Победоносцева: что если этих сил нет, а есть достаточно инертная масса, то чтобы ничего плохого не случилось, то давайте её и не раскачивать.

Когда развернувшаяся настоящая охота революционеров на царя (причём как раз тогда, когда начался серьёзный кризис в отношениях между Британией и Россией) закончилась его гибелью, славянофил граф Игнатьев стал предлагать Александру III созвать Земский собор, то есть реализовать аксаковский проект как способ решения и борьбы с революцией. Именно поэтому Александр III его оставил, хотя цивилизационно, культурно и идеологически был близок славянофильским взглядам, но как политический деятель от этой славянофильской идеи соборного решения российской политики отказался.

Вместо царь прибег к победоносцевскому решению – действовать в охранительском ключе, ключе укрепления этого государственного субъекта, государственной власти. Он достаточно эффективно развязал волну контртеррора против революционеров. Была создана «Священная дружина», принявшая на себя принцип действовать против революционеров методами революционеров – ликвидации, захваты, выманивание их в

Россию из заграницы. Иногда даже удавалось создавать такой поразительный психологический эффект в отношении одного из виднейших представителей народовольцев той эпохи – Льва Александровича Тихомирова, который был автором народовольческого манифеста-ультиматума, написанного после цареубийства. Но уже через несколько он отрёкся от революции и стал самым преданным монархическим идеологом и с той или иной степени поправками оставался им до конца жизни.

В итоге Александр III выбрал формулу в политике быть консерватором-охранителем, а в идеологии – славянофилом. Об эффективности или неэффективности решения сегодня приходится судить в свете 1917 года. Однако на деле вышло так, что революция в какой-то момент закончилась, а созданное им наследие осталось. В частности, при Александре III в 1891 году началась активная индустриализация России – именно тогда был принят Покровительственный тариф и началось строительство Транссиба. Главным содержанием этой эпохи стало то, что этот славянофильский консерватизм обрёл добавочные тона в виде индустриализма. Именно эта консервативная идеология стала в наибольшей степени индустриалистской. Либералы в этом смысле никогда до такой степени индустриалистами не были, поскольку выступали за свободную торговлю, за возможность активно привозить в Россию английские и германские товары. Сохранение свободной торговли означало экономическую индустриальную колонизацию России со сведением её к чисто аграрной стране, которая поставляет хлеб и взамен получает машины. Без индустриализации никакой самобытной русской цивилизации не построить и не защитить.

Идёт политика русификации, в том числе, прибалтийских немцев, довольно успешная – в Первую мировую не было ни единого случая, чтобы русский подданный немецкого происхождения перешёл на сторону Германии. Наоборот, первое и самое фатальное для себя поражение от России Германия понесла именно от полководца немецкого происхождения – это был генерал от кавалерии Пауль Георг (Павел Карлович) эдлер фон Ренненкампф. Сражение при Гумбиненне обрекло Германию на стратегическое поражение. Только скорое взятие Парижа могло обеспечить ей стратегическую победу в войне, но оно было сорвано вынужденным отзывом корпусов из Франции на Восточный фронт. Шла и русификация поляков, которые постепенно вливались в русское общество.

Первоначально марксизм предстаёт такой слабой формой революционного движения – много умных книжек, отсылок на научность, много разговоров в легально-марксисткой среде о том, что сперва нужно провести индустриализацию и построить капитализм, сначала нужна буржуазная революция, а потом уже социалистические эксперименты. Но потом, уже в начале XX века, этот революционный радикализм возвращается во всей своей силе. Прежде всего это воплощается у эсеров и большевиков. Возвращается герценовская линия на полное революционное пораженчество, которое началось уже в 1905 году, когда революционеры вели активные сношения с японской разведкой во главе с полковником Акаси – причём, абсолютно все революционные силы, начиная от кадетов и заканчивая Лениным. Все они были готовы охотно работать с японскими деньгами, вполне себе в герценовском духе времён Крымской войны и польского мятежа. Как мы видим, все эти тенденции живут и до наших дней.

Для той государственной парадигмы, в которой мы находимся сейчас, может быть, будем находиться дальше, опыт консерваторов, те мысли, которые они высказывали, оказывается важен. Идеи многих либералов, как того же Чичерина, тоже оказываются важными. Идеи революционеров начинают быть важны уже под другим углом – от того, как сделать так, чтобы всё не превратилось в гражданскую войну и резню, до того, с какими архетипами они работали, почему их долгое время неуспешная агитация, сталкивавшаяся о препятствия в

том же крестьянстве (как яркий пример – картина Репина «Арест пропагандиста», где на первоначальном варианте его хватают сами крестьяне, где не было никаких чиновников и полицейских), вдруг стала овладевать умами.

Очень плохо, что в течение XX века вся концепция русской истории устроилась так, что она строилась на презумпции неизбежности революции. Начиная чуть ли не с князя Владимира Россия в этой парадигме русской истории начинала двигаться к революции. Мы там постепенно отставали от Запада, у нас там накапливались социальные противоречия, наше государство становилось всё более и более тормозящим развитие. Очень важно, в принципе, разорвать с этим гипнозом абсолютной неизбежности этой революции и всего того, что из неё вытекло.

И это относится также и к XIX веку – если мы будем исходить из неизбежности революции, то нам весь исторический опыт XIX века надо просто взять и выкинуть. Все идеи консерваторов для нас не имеют никакого значения, потому что предотвратить революцию они не сумели. Все идеи либералов не имеют никакого значения, потому что весь либеральный проект скукожился за несколько месяцев в 1917 году в откровенно анекдотической форме. Придётся изучать революционеров в XIX веке, как это всё и делали в советской школе, хотя вот при Сталине было категорически не рекомендовано изучать народовольцев, чтобы никому не пришло в голову повторять их примеры с бомбами. А революционный террор, его масштабы вызывают ужас, если на них внимательно посмотреть. Вот такой, скажем, пример. Если посмотреть на картину Репина «Заседание Государственного совета» и вспомнить имена изображённых на ней – сперва убитых до 1917 года и затем уже убитых после 1917 года, то мы увидим, что перед нами фактически иконостас мучеников. Многие из этих людей во главе с Государем были мученически убиты разного рода революционерами и прочими – а это была самая настоящая элита России, одни из лучших её людей.

Но сегодня работы консерваторов приобретают наибольшую актуальность и востребованность, тогда как работы того же Ленина актуальности сейчас не имеют и востребованы могут быть только для того, чтобы понимать идеологию левых, чтобы им противостоять и не допустить повторения того, что уже было устроено в России в начале XX века. Но, прежде всего, конечно, именно сочинения русских консерваторов, славянофилов, даже иных либералов, как тот же Чичерин, гораздо более востребованы сегодня и полезны для нас.

Есть огромное количество людей, которые мотивированы работами Константина Леонтьева, есть те, кто изучает политологию и базовые общественно-политические идеи по «Монархической государственности» Льва Тихомирова. В 2008 году, например, я испытал приятный шок, когда, вдруг, наши телевизионные журналисты и публицисты стали ссылаться на Михаила Каткова – он также оказался актуален. Не говоря уж о Достоевском, которого перестали сводить только роману «Преступление и наказание». На самом деле, этот мир идей и идеологий XIX века гораздо ближе к нам, гораздо больше определяет нашу жизнь и наш образ мысли, чем это было поколение-два назад. Наше общество более мотивировано идеями и идеологическим контекстом консервативного наследия XIX века, чем 30 лет назад. Эти идеи для нас сейчас более актуальны. Для жизни в нормальном государстве они весьма востребованы.

По своей философии истории я считаю, что неизбежности нет никогда и ни в чём. Если бы все действовали бы несколько по-другому не совершили многих ошибок, которые совершили, причём самых разных – от недостаточности реформ до слишком либерального

отношения к революционерам, от недостаточно последовательно проведённой индустриализации и необходимости более жёсткой образовательной программы до банально того факта, что вот Багров промахивается мимо Столыпина – с большой вероятностью, что события 1917 года не развивались бы так, как они развивались в реальности.

Литература:

1. Библиотека отечественной общественной мысли. М.: РОССПЭН, 2010.
2. Серия «Русская цивилизация». М.: Институт Русской Цивилизации, 2008 – наст. вр.
3. Леонтович В.В. История либерализма в России (1762-1914) М.: Русский путь, 1995.
4. Минаков А.Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX в. Воронеж, 2011.
5. Валицкий А. В кругу консервативной утопии: Структура и метаморфозы русского славянофильства. М.: Новое литературное обозрение, 2019.
6. Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. М.: Археографический центр, 1997.
7. Патриотизм и национализм как факторы российской истории (конец XVIII в. – 1991 г.). М.: Политическая энциклопедия, 2015.

Публикации автора:

1. Холмогоров Е.С. Конституция старого народа. Историко-политическая концепция Карамзина // Е.С. Холмогоров. Рцы слово твердо. Русская литература от Слова о полку Игореве до Эдуарда Лимонова. М., Книжный мир, 2020.
2. Холмогоров Е.С. На твердом основании Страха Божия [Николай I] // Вода Живая. 2020 №2.
3. Холмогоров Е.С. Русификация русских. Граф Уваров и третий русский национализм // Тетради по консерватизму. 2018 №1.
4. Холмогоров Е.С. Национализм центростремительного движения. Политическая метафизика Михаила Каткова // Тетради по консерватизму. 2018 №3.
5. Егор Холмогоров. Венценосный славянофил [Александр III] // Историк. 2020 №3.
6. Холмогоров Е.С. Добрый дикарь на ледяном ветру. Парадоксы консервативного руссоизма в французской и русской мысли // Тетради по консерватизму. 2017. № 1.
7. Егор Холмогоров. Добрые русские люди. М., Книжный мир, 2022 (В книгу включены очерки о Николае I, Александре III, Николае II, Михаиле Муравьеве Виленском, Константине Аксакове, Михаиле Каткове, Константине Леонтьеве, Федоре Достоевском, Константине Победоносцеве, Петре Столыпине).